

Воспоминанія украинскаго актера ¹⁾).

Новое дѣло.—Ю. И. Касиненко.—Гастроли въ Севастополѣ, Екатеринодарѣ и др.—Корифеи въ Петербургѣ.—Въ Москвѣ.—Гастроли въ Поволжьѣ, на нижегородской ярмаркѣ.—Губернаторъ Барановъ.—Конкуренція корифеевъ.—Л. Н. Толстой.—Въ Петербургѣ.—Репертуаръ и цензура.—Премія за пьесу «Мужичка».—Въ Варшавѣ.

Закончили мы и второй зимній сезонъ 1884—85 года въ Одессѣ. Но тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Кропивницкій, Заньковецкая, Садовскій и др., бóльшая половина труппы, не сошлись въ условіяхъ съ Старицкимъ и составили самостоятельную труппу—товарищество подъ управленіемъ М. Л. Кропивницкаго. Случилось это совершенно неожиданно для другихъ въ первый день поста. Всѣ думали продолжать службу попрежнему и вдругъ насъ, второстепенныхъ, выбросили за бортъ, какъ лишній и ненужный балластъ... Старицкій продолжать дѣло отказался... Что было дѣлать? Куда дѣваться?

Тогда Ю. И. Касиненко предложилъ намъ, въ свою очередь, составить отдѣльную труппу. Конечно, мы всѣ предложеніе это приняли съ восторгомъ.

Намъ необходима была фирма, а главное костюмы и библіотека, ибо у всѣхъ выброшенныхъ не было и гроша за душой... Обращаемся къ Старицкому, просимъ поддержать... Онъ отъ участія въ нашемъ дѣлѣ отказался наотрѣзъ и отнесся къ нашему предпріятелю отрицательно и даже скептически. По его словамъ, онъ былъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что съ такими силами изъ нашего новаго дѣла ровно ничего не выйдетъ. Напрасно мы увѣряли, что ѣдемъ по небольшимъ городамъ, гдѣ лучшаго состава не знаютъ, и, принявъ во вниманіе тогдашній успѣхъ украинцевъ, сдѣлаемъ дѣла. Съ его же стороны не было ни риска, ни затратъ. Онъ долго не соглашался.

Впрочемъ, ему было тогда не до того и не до насъ, онъ въ это время въ компаніи съ Рѣзниковымъ затѣвалъ въ Одессѣ съ Пасхи громадное дѣло—антрепризу... Составлялъ *русскую* драмати-

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 7—8.

ческую труппу съ гастролями артистокъ Императорскихъ театровъ Ермоловой и Савиной! Такъ что наше новое, къ тому же маленькое, украинское дѣло его совсѣмъ не интересовало.

Большихъ усилій намъ во главѣ съ Ю. И. Касиненко, а онъ былъ главнымъ инициаторомъ этого дѣла, стоило уломать Старицкаго дать свою фирму, костюмы и библиотеку. Уломали его и онъ согласился, но при условіи получать за фирму первые паи товарищества, а за прокатъ костюмовъ и библиотеку отдѣльную плату и вести дѣло самимъ безъ всякаго съ его стороны участія, риска и затратъ.

Словомъ, такъ или иначе, а дѣло наше сладилось и образовалась вторая украинская труппа.

Мы анонсировали съ Өоминой недѣли спектакли въ г. Симферополѣ.

Быль постъ... Средствъ къ существованію опять никакихъ. Опять пришлось придумывать выходъ, дабы не голодать по прошлогоднему... На авансъ нечего было рассчитывать, такъ какъ заправили нашего новаго дѣла и сами очутились въ нелучшемъ положеніи, вѣдь такого неожиданнаго раздѣла труппы никто не предвидѣлъ.

Зато теперь у меня въ Одессѣ были знакомые и друзья, и легче было подыскать себѣ какое-нибудь дѣло.

По рекомендаціи одного пріятеля, регента церковнаго хора Тимофеева, мнѣ удалось поступить пѣвчимъ въ квартетъ хора домашней церкви одесскаго богача графа Толстого, а такъ какъ я зналъ славянскій языкъ, то и исполнялъ обязанности псаломщика:— читалъ передъ обѣдней часы и «апостола». Мнѣ за это положили жалованья 25 р. въ мѣсяць. Пѣли мы только обѣдни въ праздничные дни, которыя начинались въ 11 ч. утра и оканчивались ровно въ 12. Старый графъ болѣе часа не могъ выстаивать въ церкви. Значитъ дѣло было нетрудное, а 25 р. уже обезпечивали пропитаніе и квартиру. А когда на Пасхѣ пошли съ попомъ по аристократамъ, говѣвшимъ въ нашей церкви, «Бога славить», я вразъ еще заработалъ рублей 20.

Тутъ мнѣ и еще повезло. Въ Одессу пріѣхала нѣмецкая оперетка подъ дирекціей извѣстнаго тогда импрессаріо Георга Парадиза.

Явился и я на пробу голосовъ... Тамъ уже ждала толпа желающихъ, все больше евреевъ. Однако, случай и здѣсь выручилъ меня и именно случай...

Вышелъ къ намъ нѣмецъ-капельмейстеръ, усѣлся за рояль... и потребовалъ всѣмъ хоромъ пропѣть гимнь: «Боже, Царя храни!» Замѣтивъ меня въ толпѣ, онъ жестомъ подозвалъ поближе...

Вѣроятно, ему понравился мой внѣшній видъ, фигура и наружность. Похлопавъ меня по плечу, онъ сказалъ:

— Хараша!..

И, не пробуя голоса, велѣлъ записать въ «принятыя». Меня записали и назначили 45 р. жалованья.

Итакъ, я пристроился въ нѣмецкую оперетку, а это, вмѣстѣ съ жалованьемъ псалмопѣвца, вполне обеспечивало мое даже безбѣдное существованіе постомъ въ Одессѣ.

Служить у нѣмцевъ было, правда, тяжело: дисциплина и аккуратность дьявольскія. Требовалось твердое знаніе партій и текста, который приходилось заучивать наизусть, а при незнаніи языка это очень тяжело. Балета не было и хоръ долженъ былъ продѣлывать всевозможныя хожденія, маршировки, позировки, а нерѣдко и танцы. Объясненій режиссера не понимаешь, путаешь, а онъ злится, ругается и заставляетъ повторять безконечное количество разъ. Репетиціи съ 10-ти утра до 4—5 вечера.

Въ Симферополѣ мы застали въ сборѣ почти всю нашу труппу.

Снимали мы театръ у извѣстнаго тогда крымскаго антрепренера Черкасова и играть должны были, чередуясь съ его труппой, въ составѣ которой находилось много извѣстныхъ артистовъ. Разыгрывали драму и оперетку.

Первый спектакль нашей труппы состоялся на Ѳоминой недѣлѣ, шла пьеса «Назаръ Стодоля»... До спектакля, конечно, пережили не мало волненій и страха, такъ какъ были не увѣрены въ своихъ силахъ. Однако, сразу вышли побѣдителями! Полный сборъ и пріемъ самый восторженный! Всѣ симпатіи публики были на нашей сторонѣ и дальнѣйшій успѣхъ обеспеченъ. Каждый спектакль проходитъ все съ возрастающимъ успѣхомъ и такихъ сборовъ еще въ Симферополѣ не запомнятъ.

Талантливая Е. П. Боярская оказалась очень способной драматической артисткой, въ нѣкоторыхъ роляхъ до деталей подражала М. К. Занковецкой и производила положительный фуроръ.

Черкасовъ съ своей труппой, въ виду нашихъ успѣховъ, уѣхалъ изъ Симферополя въ Ялту, а мы продолжали играть еще мѣсяца полтора и уѣхали только потому, что въ зимнемъ помѣщеніи театра, по случаю наступившей жары, играть было невозможно, а лѣтняго театра тогда въ Симферополѣ не было.

Переѣхали въ Севастополь и тамъ работали съ такимъ-же успѣхомъ, какъ и въ Симферополѣ.

Такъ прошло уже около трехъ мѣсяцевъ самостоятельнаго существованія нашей труппы... И вотъ сюда въ Севастополь къ намъ пріѣхалъ и М. П. Старицкій.

Пріѣхалъ съ повинной головошкой... За это время онъ въ Одессѣ успѣлъ прогорѣть въ пухъ и прахъ и все заработанное потерялъ на русской антрепризѣ... Значить, наше маленькое дѣло, надъ которымъ тогда М. П. Старицкій смѣялся, оказалось удачнѣй большой русской антрепризы, такъ какъ на его пай нами было уже заработано что-то безъ малаго 1000 рублей.

Изъ Севастополя мы отправились въ Керчь, Бердянскъ, Таганрогъ, Екатеринодаръ и др.

Успѣхъ и заработокъ были громадны. Теперь-то мы убѣдились, что и съ нашимъ составомъ можемъ смѣло рассчитывать на успѣхи даже въ такихъ городахъ, гдѣ были до того съ сильнымъ составомъ.

Дѣла были блестящи, но наступали холода, а зимняго помѣщенія въ городѣ не имѣлось и мы въ первыхъ числахъ октября уѣхали изъ Екатеринодара въ Воронежъ.

Узнавъ, что какъ разъ тогда въ Ростовѣ играла труппа М. Л. Кропивницкаго, а Ростовъ намъ былъ по пути, мы обрадовались случаю повидать прежнихъ товарищей, подѣлиться впечатлѣніями, рассказать о своемъ житіи, узнать, какъ у нихъ?...

Я, Ярошенко и Дворниченко, чтобы выгадать время и скорѣе попасть въ Ростовъ, помчались до желѣзнодорожной станціи на почтовыхъ, щедро награждая ямщиковъ, лишь бы успѣть къ первому отходящему поѣзду и вечеромъ пріѣхали уже въ Ростовъ прямо къ спектаклю.

Товарищи Максимовичъ, Загорскій, Буховичъ и др. поменьше рангомъ, конечно, встрѣтили насъ съ распростертыми объятіями, ну а главари встрѣтили наоборотъ очень и очень сухо и холодно.

Заходимъ въ уборную къ М. К. Заньковецкой засвидѣтельствовать почтеніе уважаемой артисткѣ, она встрѣчаетъ насъ такой фразой:

— Что это ваша новоиспеченная примадонна Явдошка Боярская, говорятъ, имѣетъ успѣхъ, копируя меня?

— Да, отвѣчаю,—представьте, имѣетъ успѣхъ и даже большой.

— Меня въ Екатеринодаръ приглашалъ самъ атаманъ, а теперь послѣ вашей примадонны ѣхать не придется, подумаютъ, пожалуй, что я ее копирую! ха-ха-ха!

Тутъ вставилъ и Садовскій, съ обычной важностью, полупрезрительно:

— Вотъ у насъ сейчасъ въ Ростовѣ дѣла плохи, а почему? Вы, оказывается, лѣтомъ здѣсь были и своей паршивой труппой напортили.

— А у насъ дѣла были блестящи.

— Да, здѣсь балаганъ любятъ.

— Зачѣмъ же балаганъ?.. Спектакли идутъ вполне прилично. Конечно, у васъ силы лучше...

— А-а, новоиспеченные таланты, явились!—Встрѣтилъ насъ угрюмо М. Л. Кропивницкій.

Заходимъ къ Саксаганскому. Шутникъ и забавникъ Аѳанасій Карповичъ на этотъ разъ съострилъ не совсѣмъ удачно. Онъ сталъ звать свою собаку:

— Касиненко! Касиненко! Иси сюда! Ляжь на мѣсто, паршивая собака, а то выйдешь на сцену и сыграешь «выборнаго!»

Мы, выслушивая всѣ эти остроты, стояли словно въ воду опущенные... Что такое? За что эта злоба? За что и почему? Не за то ли, что мы, оставленные и брошенные ими, нашли выходъ изъ положенія и ѣдимъ свой кусокъ хлѣба? Что же намъ было дѣлать?

Въ Воронежѣ дѣла опять были великолѣпны, и мы съ успѣхомъ играли тамъ половину зимняго сезона, а закончили сезонъ въ томъ же Ростовѣ въ старомъ зимнемъ Гайрабетовскомъ театрѣ.

Ростовъ въ то время и на половину не былъ такимъ, какимъ сталъ въ настоящее время. Я не такъ давно былъ въ Ростовѣ и положительно не могъ узнать прежняго Ростова, до того онъ разросся, раскинулся и украсился. Достаточно сказать, что въ то время вся часть города отъ вокзала по Садовой вплоть до городского сада, гдѣ теперь самая лучшая часть, состояла изъ деревянныхъ лачугъ, въ безпорядкѣ раскинутыхъ, скученныхъ и нагроможденныхъ одна на другую, а фабрика Кушнарѣва считалась уже почти за городомъ. Все же Ростовъ и тогда былъ бойкимъ, оживленнымъ и театральнымъ городомъ, и двѣ труппы, наша и Коврова въ Асмоловскомъ театрѣ, работали зимній сезонъ превосходно.

Труппа наша увеличилась и прибавился хоръ. Въ Воронежѣ примкнулъ комикъ Иванъ Евстратьевичъ Бурлака-Кирносъ, очень симпатичный товарищъ и прекрасный исполнитель роли «Вознаго» въ «Наталкѣ Полтавкѣ». Лучшаго исполнителя этой роли я, по крайней мѣрѣ, никогда не видалъ. Бурлака раньше служилъ въ русской труппѣ. Онъ былъ большой шутникъ и комикъ въ жизни. Между прочимъ, когда явился къ намъ пред-

лагать услуги и когда его спросили: какой онъ актеръ? Онъ вынулъ газетный номеръ и далъ прочитатъ такую рецензію:

«Малюту Скуратова игралъ Бурлака... но не тотъ знаменитый артистъ Василій Николаевичъ Андреевъ-Бурлакъ, извѣстный всей Россіи волжскій артистъ, а... «бурлакъ»... Про него и г-жу Лебедеву можемъ сказать, что это одно несчастіе для Воронежскаго театра».

— Вотъ какой я актеръ, добавилъ онъ,—но я малороссъ и можетъ буду вамъ полезенъ.

Онъ былъ принятъ и оказался дѣйствительно полезнымъ на многія характерныя роли.

Я постъ прожилъ въ Ростовѣ, а съ Пасхи опять начали въ Симферополѣ. Затѣмъ уже набрались храбрости и, не страшась «корифеевъ», играли въ городахъ: Екатеринославѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Ялтѣ и зиму начали въ Мелитополѣ.

1886 годъ знаменателенъ тѣмъ, что наши украинцы впервые побывали въ столицахъ!

Когда мы играли въ небольшомъ уѣздномъ городишкѣ Мелитополѣ, наши «корифеи» подвизались съ громаднымъ успѣхомъ въ Петербургѣ. Объ этихъ успѣхахъ труппы украинцевъ мы съ завистью читали въ столичныхъ газетахъ.

Соблазнились этимъ успѣхомъ наши главари и задумали побывать въ коренной Россіи. Мечтать о столицахъ, конечно, никому и въ голову не приходило, а надо было подумать вообще о другихъ городахъ, а то въ южныхъ городахъ мы успѣли уже порядочно надоѣсть. Ежегодно, а то и по два раза въ годъ бывала то одна, то другая труппа; въ кievскомъ же генераль-губернаторствѣ играть малороссамъ все еще было запрещено.

Рискнули наши изъ Мелитополя ѣхать въ коренной русской городъ Орель. Ёхали, конечно, съ большимъ сомнѣніемъ въ успѣхѣ.

И, дѣйствительно, первый спектакль далъ незначительный сборъ и прошелъ съ сомнительнымъ успѣхомъ.

— Не поймешь, что они болтаютъ, поютъ и пляшутъ хорошо.

Такъ отзывалась орловская публика.

Наши пали духомъ и повѣсили носы.

Какъ вдругъ на второмъ спектаклѣ (шла оперетта «Сватанье на Гончаривци») намъ передаютъ, что изъ Москвы пріѣхалъ импрессаріо Парадизъ, предлагаетъ Старицкому ѣхать въ Москву. Переговоры вели съ такой поспѣшностью, что слѣдующій спектакль отмѣнили, несмотря на то, что въ два часа дня надъ кассой былъ уже аншлагъ о полномъ сборѣ. Парадизъ уплатилъ

антрепренеру орловскаго театра всѣ убытки и неустойку по нашему договору, и вечерній поѣздъ насъ уже мчалъ въ Москву, а въ одиннадцатъ утра на слѣдующій день мы были въ Бѣлокаменной.

Георгъ Парадизъ въ Орлѣ смотрѣлъ у насъ оперетку «Сватанье на Гончаривци», ему она понравилась и онъ настоялъ, чтобы эта пьеса была первой поставлена и въ Москвѣ съ такимъ же составомъ исполнителей. Роли были распредѣлены такъ: «Прокипа» игралъ Бурлака, «Одарку»—Вѣрина, «Ульяну»—Боярская, «Стецька»—Касиненко, «Солдата»—Пономаренко и я—«Олексія».

Потому что приѣздъ нашъ въ Москву случился такъ неожиданно и заранѣе не былъ прорекламированъ, сборъ на первомъ спектаклѣ былъ далеко не полный. Это насъ отчасти смутило и заставило усомниться въ дальнѣйшемъ успѣхѣ... Но Георгъ Парадизъ насъ успокоилъ:

— Все карашо, все карашо...

О томъ волненіи, какое мы испытывали до начала спектакля, и говорить нечего. Особенно волновался Бурлака,—его былъ первый выходъ. Онъ и подъ гримомъ блѣднѣлъ, бѣдняжка, и потъ крупными каплями струился по его лицу. Старицкій успокаивалъ насъ и подбодрялъ, а Парадизъ черезъ переводчика увѣрялъ, что столичная публика далеко снисходительнѣй провинціальной. Однако, это насъ мало успокаивало, а въ особенности меня, видѣвшаго сейчасъ спектакль въ Большомъ театрѣ. На меня даже находило какое-то уныніе и крѣпко сжималось сердце.

Но вотъ послышался ригурнель въ оркестрѣ и подняли занавѣсъ...

Спектакль начали!..

Зрителямъ представился великолѣпный видъ украинскаго села съ хатками-мазанками, утопающими въ зелени садовъ и огородовъ. Декорація въ одну ночь была прекрасно написана художникомъ-декораторомъ Грюннеромъ... Громъ аплодисментовъ раздался за декорацію и такимъ же взрывомъ былъ встрѣченъ Бурлака—пропойца-мужичекъ, убѣгающій отъ сварливой жены. Свои нехитрые куплеты онъ, по требованію публики, биссировалъ три раза... Намъ вздохнулось свободнѣй, мы сразу воспрянули духомъ. Значитъ бояться нечего, успѣхъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ обезпеченъ... И, дѣйствительно, каждый выходъ и уходъ дѣйствующихъ лицъ сопровождался такимъ же выраженіемъ восторговъ. Номера пѣнія, даже самые незначительные, заставляли биссировать по нѣсколько разъ. Въ антрак-

тахъ выходили на вызовы безконечно, а по окончаніи удостоились самой бурной оваціи...

Рубиконъ пройденъ,—успѣхъ нашъ въ Москвѣ обезпеченъ.

Всѣ облегченно вздохнули!..

Вторымъ спектаклемъ шла «Наталка Полтавка»... Проснувшись утромъ, я глянулъ въ окно, выходившее на Никитскую улицу почти насупротивъ театра, и замѣтилъ нѣчто необыкновенное: отъ театра по панели, прислонившись къ стѣнамъ домовъ, стояла гуськомъ толпа народа. Я не сообразилъ сразу, въ чемъ дѣло, и спросилъ коридорнаго:

— Это, баринъ, народъ стоитъ въ очередь отъ кассы театра за билетами на хохлацкія представленія.

Нечего говорить, что вечеромъ театръ былъ переполненъ, да и всѣ послѣдующіе спектакли проходили съ аншлагами на нѣсколько спектаклей впередъ. Чтобы попасть къ намъ въ театръ, билетами надо было запасаться, по крайней мѣрѣ, за недѣлю раньше или пріобрѣтать у барышниковъ за двойную и тройную цѣну.

Наибольшимъ успѣхомъ пользовались пьесы: «Наталка Полтавка» и «Не ходы Грыцю на вечерныци». Все время не сходили съ репертуара. Бывало, когда надоѣдало одно и то же, предлагали поставить новую пьесу, директоръ Парадизъ замашетъ и руками, и ногами:

— Нэтъ, нэтъ... «Фриць» и «Пултавку!»... закричитъ нѣмецъ съ своимъ комичнымъ акцентомъ.

Да и къ чему въ самомъ дѣлѣ было трудиться надъ постановкой новой пьесы, дѣлать затраты на декорации и пр., когда эти двѣ пьесы давали все время полные сборы, и интересъ къ нимъ не ослабѣвалъ въ продолженіи всего зимняго сезона до поставителю.

Валовой сборъ достигалъ солидной цифры 38.000 въ мѣсяцъ. Если принять во вниманіе небольшой Никитскій театръ и цѣны, да исключить субботы и предпраздничные дни, въ которые играть было воспрещено, значить каждый спектакль давалъ болѣе 1500 р. сбора. Успѣхъ рѣдкій и для Москвы. И вотъ настало время, когда въ обѣихъ столицахъ малороссы и все малорусское начало входитъ въ моду, ибо одновременно и въ Петербургѣ съ такимъ же успѣхомъ подвизались наши корифеи.

Насъ нарасхватъ приглашали для участія въ благотворительныхъ вечерахъ и концертахъ. Газеты посвящали цѣлыя статьи и фельетоны. Въ продажѣ появились шапки, галстухи «а-ля малороссъ». Въ гастрономическихъ магазинахъ плакаты возвѣщали о полученіи «колбасъ и сала» прямо изъ Малороссіи. Нашъ

театральный буфетчикъ Я. В. Щукинъ, нынѣшній директоръ московскаго театра «Эрмитажъ», приготовлялъ въ буфетѣ бутерброды съ «настоящимъ малороссійскимъ саломъ» и въ антрактахъ публика истребляла ихъ цѣлыя горы. И говорятъ, будто эти бутерброды дали ему возможность начать столь грандіозное дѣло, владѣльцемъ котораго онъ теперь состоитъ.

Портреты наши раскупались нарасхватъ въ эстампныхъ магазинахъ Даціаро и Аванцо, фотографъ Труновъ не успѣвалъ ихъ заготовлять. Появились духи, мыло, конфеты и папиросы съ портретами нашихъ артистовъ. Водочные заводы Штритера, вдовы Попова, Смирнова и Кошелева выпускали «наливки», «запеканки», «нѣжинскую рябину» и пр. спиртуозы украинскаго культа. Музыкальныя фирмы издавали украинскіе романсы, пѣсни, гопаки и находили большой сбытъ.

Выходитъ публика изъ ресторана или театра, стоящіе у подъѣзда лихачи, предлагаютъ:

— Ваше степенство, не угодно ли,—прокачу на хохлѣ, онъ у меня «хохолъ» чистокровный!

Мальчишки на рождественскихъ или масляничныхъ базарахъ, предлагая пресловутаго «чорта въ банкѣ», выкрикивали:

— Купите вотъ: Манько въ банкѣ, самый ядовитый хохлацкій актеръ!

Вышло, что мы Москву совсѣмъ обмалороссили.

Языкъ нашъ, конечно, многіе не понимали, но, поддаваясь общему настроенію, шли, смотрѣли и нравилось. Я слыхалъ такой отзывъ простого купчины-лавочника:

— Ловко хохлы представляютъ! И не по нашему вотъ, не понимаешь, что они тамъ болтаютъ, развѣ поймешь пятое, либо десятое слово, а здорово у нихъ все это выходитъ.

Или, на примѣръ, дворникъ рассказываетъ швейцару нашихъ номеровъ содержаніе видѣнной имъ пьесы «Наталка Полтавка»:

— Вышла это барышня съ ведерками къ колодцу, деревенская по виду, изъ простыхъ она словно-бы, изъ хохлушекъ, а краля писаная... Поетъ это, поетъ, а голосъ такъ и разливается: гдѣ ты, мой ненагляженный? Куда это ты запропастился, женихъ мой безцѣнный? А тутъ выходитъ къ ней навстрѣчу верзила огромный, словно подъячій какой, либо чиновникъ съ судейскихъ кульеровъ и начинаетъ это онъ ей про свою любовь наяривать. Ужъ онъ къ ней и такъ, и этакъ, онъ къ ней, стало быть, въ чувствіяхъ, а она отъ него, онъ къ ней, а она отъ него... Ты, говоритъ, мнѣ противень, глаза бы мои на тебя не глядѣли... Прогнала это она его, а сама ходу, онъ и остался съ носомъ, все съ досады табачище понюхиваетъ... Какъ вдругъ, откель

ни возьмишь, словно лѣшій какой, выскочилъ это рыжій перцынинъ и давай отчитывать этого самаго стрюцкаго... Ужь онъ его честилъ, честилъ, честилъ, честилъ, ловко таково и складно. Ты, говоритъ, это старый чортъ, куда же суешься съ пушнымъ рыломъ да въ калашный рядъ? Ну и ахтеръ—бѣда!.. Я полагаю, что онъ и нашему Михайлѣ Валентинычу Лентовскому не уважить!

Газеты, въ особенности «Московскій Листокъ» и «Русскій Курьеръ», давали о насъ самые лестные отзывы.

Съ нами охотно знакомились, приглашая въ дома, именитое московское купечество, не говоря уже о землякахъ, проживавшихъ въ Москвѣ, тѣ насъ встрѣчали какъ близкихъ и родныхъ.

Не обошлось и безъ поклонницъ, или такъ называемыхъ «психопатокъ»... Эти положительно осаждали своими назойливыми знакомствами и одолѣвали любовными записками. Отъ нихъ приходилось улепетывать изъ театра чернымъ ходомъ, иначе страдали наши носовые платки или ленточки (стрички), которые они разрывали на части и брали на память, а то и—кусались... ей-Богу, правда!

Словомъ, закончили мы зимній сезонъ въ Москвѣ блестяще, какъ въ сценическомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

Самое же главное заключалось въ томъ, что насъ принимали точно также восторженно въ Москвѣ, какъ нашихъ «корифеевъ» въ Петербургѣ. Мы могли хвалиться равными успѣхами. Правда, бѣдучи въ столицу, боялись, а вдругъ мы провалимся и «корифеи» восторжествуютъ... Теперь же мы смѣло могли сказать, что по успѣхамъ уравнились съ ними.

Постомъ въ Москвѣ вышла у меня съ дирекціей труппы размолвка. У насъ тогда было уже не товарищество, а какъ бы дирекція. Дирекцію составляли: Старицкій, Касиненко, Манько, Грицай и Вѣрина, остальные получали опредѣленное жалованье.

Размолвка самаго обыденнаго явленія,—я попросилъ незначительной прибавки къ жалованью и мнѣ отказали. Обиженный, я перешелъ въ новую труппу.

Труппу эту составилъ нѣкій Нагорный, до того служившій у насъ сценаріусомъ. Увлеченный успѣхами малороссовъ и имѣя небольшія средства, онъ списался съ Г. А. Ашкаренко и Г. И. Рѣшетниковымъ (служившимъ на русской сценѣ) и еще съ нѣкоторыми кременчугскими любителями, составилъ новую украинскую труппу, въ которую имѣлъ неосторожность поступить и я съ женой. Снялъ онъ въ первую голову городской театръ въ Саратовѣ, гдѣ мы и начали играть съ Пасхи.

Труппа оказалась очень слабой, да и самъ новоиспеченный

антрепренеръ былъ плохимъ администраторомъ, не сумѣлъ поставить дѣла, и послѣ нѣсколькихъ спектаклей дѣло провалилось, онъ сбѣжалъ и насъ оставилъ въ самомъ безвыходномъ положеніи.

Тутъ я, какъ говорится, застрялъ на цѣлыхъ два мѣсяца. Пришлось голодать и уже не самому, какъ когда-то въ Кіевѣ, а вмѣстѣ женой и въ первый годъ замужества.

Остатки нашей труппы, сыгравъ нѣсколько спектаклей въ г. Вольскѣ, кое-какъ разбрелись кто куда, а я съ женой вернулся въ Саратовъ ждать у моря погоды...

Но прошло два мѣсяца нашего сидѣнія и голодовки, пріѣхала труппа Старицкаго и меня вновь приняли даже на увеличенный окладъ.

Изъ Саратова труппа отправилась вверхъ по Волгѣ: Самара, Симбирскъ, Казань, вездѣ дѣлали колоссальные сборы.

Въ Казани, на примѣръ, въ старомъ театрѣ Панаевского сада двѣ недѣли кряду не оставалось ни одного непроданнаго мѣста, кассиръ сдавалъ всегда одни корешки билетовъ. Въ одну ночь 50 рабочихъ передѣлали театръ, добавивъ болѣе 300 мѣстъ, и то не хватало. Дошло до того, что капельдинера продавали щели въ театрѣ и находились желающіе, платили деньги, чтобы хоть въ щелочку что-нибудь увидѣть.

Съ 15 іюля начали спектакли въ Нижнемъ-Новгородѣ на ярмаркѣ въ большомъ ярмарочномъ театрѣ, арендаторомъ и антрепренеромъ котораго въ то время былъ Д. А. Бѣльскій.

Тутъ пошла какая-то неразбериха...

Ставили, помимо малорусскихъ спектаклей, и оперы и опереты и такъ называемую «ломовую» драму: «Смерть Ляпунова», «Вѣчный жидъ», «Велизарій», «Тарасъ Бульба» (на русскомъ языкѣ) и др. Для этого въ составѣ имѣлись и русскіе драматическіе актеры. Намъ тоже приходилось участвовать и въ русскихъ драмахъ и операхъ и опереткахъ.

Несмотря на такой разнообразный репертуаръ, дѣла на ярмаркѣ были неважны, и наша дирекція понесла большіе убытки.

Театръ на ярмаркѣ былъ всегда въ упадкѣ и кто ни держалъ—кончалъ съ убыткомъ. Оно и неудивительно: ярмарка въ то время представляла изъ себя сплошную оргію разгула, разнузданности, безобразій и разврата, куда русскіе купцы, подъ предлогомъ торговыхъ сдѣлокъ, сбѣжали со всѣхъ концовъ Россіи. Пріѣзжали они больше для того, чтобы встряхнуться отъ годовой спячки и дать волю своей необузданной широкой натурѣ... Такому субъекту не до театра и разумныхъ развлеченій, онъ съ жадностью набрасывается на кабаки, шантаны и иныя мѣста разврата, а этой мерзости на ярмаркѣ всегда было великое

множество. Въ каждомъ трактирѣ были хоры арфистокъ, шансонетки, пѣвички и всевозможные увеселители. Тамъ русскій купецъ въ безпробудномъ пьянствѣ отводилъ душу и выказывалъ свои грубые, звѣриныя инстинкты, устраивая всевозможныя оргіи, дебоши и, доходившіе до виртуозности по безобразію, кутежи и попойки. То именно время было такое, когда гг. купцы въ свое удовольствіе разбивали дорогія зеркала, пакостили въ рояли, мазали рожи горчицей и пр.

Даже такой энергичный губернаторъ, какъ Барановъ, съ неограниченными полномочіями на время ярмарки, издавая всевозможныя обязательныя постановленія къ укрощенію этихъ безобразниковъ, сталъ, наконецъ, принимать такія мѣры, какія допустимы лишь въ странѣ дикихъ африканцевъ. Бывало купчина въ пьяномъ угарѣ надебоширитъ и учинить какое ни на есть безобразіе, онъ его въ главный домъ до вытрезвленія, а по вытрезвленіи, не взирая ни на какую гильдію и положеніе, отдеретъ розгами, да еще въ газетѣ огласитъ буквально слѣдующее: «Мною такой-то (имя рекъ) за дебошъ, учиненный въ пьяномъ видѣ, наказанъ розгами... Предупреждаю, что и напредъ съ скандалистами буду поступать такъ же»... При мнѣ было много такихъ случаевъ.

Какой-то молодой человѣкъ, представитель иностранной фирмы, кутилъ съ пѣвицами въ ресторанѣ и у него изъ кармана исчезъ бумажникъ съ 7000 руб. денегъ. Онъ съ жалобой къ губернатору. Барановъ приказалъ хозяйкѣ хора немедленно возвратитъ деньги. Та заупрямилась... Тогда былъ вызванъ весь хоръ съ хозяйкой во главѣ, выстроены въ рядъ и приказано драть сначала хозяйку, а затѣмъ и пѣвицъ съ первой черезъ одну... Хозяйку отодрали,— молчить... Первую пѣвицу отодрали,— молчить... позвали третью.

— За что же меня? Хозяйка съ Манькой эти деньги припрятали,—выдала она.

Бумажникъ вернули, хозяйку вновь и Маньку отодрали, да и молодому иностранцу, чтобы не кутилъ съ русскими пѣвицами, дали 25 розогъ. Не помогли и протесты съ его стороны, что онъ иностранный подданный и пр.

А то у купца, кутившаго съ дѣвицами въ номерѣ гостиницы, исчезла пачка ассигнацій... Обыскали дѣвицъ—не нашли... Околоточный, замѣтивъ на стѣнкѣ на обояхъ жирное пятно, подъ обоями нашель спрятанными деньги... Оказывается—дѣвицы запрятали, а щель замазали коровьимъ масломъ.

Досталось и дѣвицамъ и купцу.

Высѣкли тогда и шантаннаго куплетиста А—ва за нечестную игру на билліардѣ, съ опубликованіемъ въ приказахъ.

Словомъ Барановъ не церемонился ни съ кѣмъ, но и такія жестокія и противозаконныя мѣры не унимали всякихъ ярмарочныхъ проходимцевъ, а купцы безобразили, придумывая все новые скандальные трюки.

Вотъ что творилось въ то время на «великомъ Всероссійскомъ торжищѣ»!

Въ Москвѣ мы начали зимній сезонъ въ сентябрѣ 1887 года въ театрѣ Шеллапутина, подъ дирекціей Родона.

Дѣла уже пошли значительно слабѣе прошлогоднихъ. Новыя пьесы, какія вводили въ репертуаръ, успѣха не имѣли. Даже пресловутая опера «Риздвьяна ничъ», съ музыкой Н. Лысенко, возлагавшихся на нее надеждъ не оправдала и не выдержала болѣе 5 представленій. А между тѣмъ на постановку было затрачено много, а для исполненія партій съ Пасхи уже служили оперные артисты.

Почти одновременно съ нами начала спектакли въ Москвѣ въ театрѣ «Парадизъ» труппа «корифеевъ», во главѣ съ Кропивницкимъ, — «полнымъ Петербургскимъ ансамблемъ», какъ глаголютъ анонсы.

Конкуренція кончилась не въ пользу «корифеевъ»... Не вывезли и новыя пьесы Карпенка-Караго: «Наймычка», «Бондаривна» и «Безталанна», которыя они оберегали тогда, какъ зѣницу ока, не позволяя ставить другимъ труппамъ. «Корифеи» послѣ десяти спектаклей уѣхали изъ Москвы.

Впрочемъ, въ Москвѣ труппа «корифеевъ» имѣла сценическій успѣхъ, въ особенности М. К. Заньковецкая. Отзывы о ней и Московской прессы были самые восторженные.

Въ томъ же сезонѣ въ Москвѣ еще одинъ незабвенный эпизодъ запечатлѣлся въ моей памяти... Я видѣлъ у насъ на спектаклѣ великаго Льва Николаевича Толстого!

Шла все та же пьеса «Не ходы Грыцю на вечерныци», намъ передали, что въ театрѣ семейство покойнаго писателя и имѣетъ быть самъ Левъ Николаевичъ. Въ антрактѣ послѣ второго дѣйствія говорятъ, что Левъ Николаевичъ въ ложѣ. Мы, участники спектакля, бросились къ отверстію въ занавѣси и стали смотрѣть въ ложу, находившуюся вблизи сцены во 2-мъ ярусѣ, желая увидѣть въ лицо мірового генія, слава котораго въ тѣ годы особенно гремѣла по всему свѣту. Къ великому огорченію онъ сидѣлъ далеко въ углу ложи, и мы видѣли только темный силуэтъ. Было какъ-то пріятно и даже жутко сознавать, что наше нехитрое зрѣлище смотритъ такой геній-титанъ.

Поднялся занавѣсъ и начался 3-й актъ.

На сценѣ дѣвушки-прачки моютъ бѣлье и поютъ пѣсенку:

«Розвивайся ты, дубочку,
«На чотыры лысты,
«Любывъ козакъ дивчиноньку
«Та не мате корысты!

«Ой, колы-бъ я, молодая,
«Та крылечки мала,
«То-бъ я свою Украину
«Кругомъ облитала!

«То-бъ я свою Украину
«Кругомъ облитала,
«То-бъ я свого мыленького
«По шапци впизнала!»...

Въ антрактѣ послѣ 3-го дѣйствія зашелъ къ намъ на сцену артистъ Московскаго малаго Императорскаго театра Ленскій (князь Оболенскій, кажется, родственникъ Толстыхъ), онъ былъ вмѣстѣ въ ложѣ и разсказалъ, что у Льва Николаевича во время этой грустной пѣсни, которую онъ прослушалъ съ большимъ вниманіемъ, показались слезы на глазахъ, и онъ, разстроенный, вышелъ изъ театра.

— На него сильное впечатлѣніе производятъ грустные народные мотивы...

Вспомнивъ о незабвенномъ писателѣ, приведу и другой случай, осчастливившій меня въ жизни его вниманіемъ.

Въ 1908 году украинская труппа, подъ моимъ управленіемъ, играла въ г. Царицинѣ (на Волгѣ). Въ томъ же году Россія торжественно праздновала 80-лѣтній юбилей маститаго старца. Я, съ своими сотрудниками, послалъ въ Ясную Поляну привѣтственный адресъ на украинскомъ языкѣ. На это привѣтствіе я былъ осчастливленъ полученіемъ благодарственнаго письма съ такою припиской, за собственноручной подписью Льва Николаевича: «К. И. Ванченко и его сотрудниковъ особенно благодарить за привѣтствіе Левъ Толстой».

Храню, какъ дорогую реликвию.

Въ январѣ, послѣ святокъ, мы изъ Москвы переѣхали въ Петербургъ.

Ѣхали туда съ опаской.

Въ то время почему-то существовало такое убѣжденіе: что нравится Петербургу, то не нравится Москвѣ, и наоборотъ. Да и «корифеи» насъ запугивали.

Играли и мы тамъ же, гдѣ и «корифеи», въ Маломъ театрѣ на Фонтанкѣ, подъ дирекціей В. А. Линской-Неметти, и, представьте, съ ничуть не меньшимъ успѣхомъ, какъ въ Москвѣ.

Особенно восторгались нашимъ ансамблемъ и чисто «Мейнингенской» постановкой массовыхъ сценъ, надъ которыми много

потрудились наши режиссеры Старицкій и Касиненко. Самъ глубокоуважаемый нашъ украинскій «дідъ» Даныло Мордовецъ (Мордовцевъ) отдавалъ предпочтеніе въ этомъ передъ «корифеями» и, увлекаясь, радовался успѣхамъ молодого украинскаго театра. Радовался и быстрому развитію родного искусства, что въ столь короткое время народилось *два* солидныхъ украинскихъ труппы съ многими очень талантливыми исполнителями...

Петербургская пресса, даже самая ядовитая, въ родѣ «Новаго Времени», отзывалась о насъ очень хорошо, хотя и высмѣивала наши наивныя «драмматическія драммы», съ горилкой и гопакомъ.

«Украинская колонія» приняла насъ весьма дружелюбно, какъ своихъ «ридныхъ». На поминкахъ великаго нашего поэта Тараса Шевченко, гдѣ обыкновенно собираются всѣ петербургскіе украинцы, панихиду пѣлъ нашъ хоръ, а на поминальный вечеръ пригласили труппу для участія въ концертѣ. Говорили рѣчи, произносили тосты, радовались, видя въ развитіи нашего театра ступень къ обновленію украинства, и пр.

Что и говорить, репертуаръ украинскихъ пьесъ въ то время былъ очень скудный. Приходилось ставить всякую белиберду разныхъ старыхъ драмодѣловъ. Наши новые драматурги Кропивницкій, Карпенко-Карый и Старицкій писали «усиленнымъ темпомъ», передѣлывая изъ русскаго и польскаго, и часто, измѣнивъ кое-что, выдавали за свое. Но въ то же время каждый изъ нихъ писалъ только для своей труппы, воспрещая постановку другимъ, въ видахъ все той же конкуренціи.

А тутъ и цензура запрещала все мало-мальски осмысленное или искажала до неузнаваемости красными чернилами.

Въ особенности почему-то не понутру были ей сюжеты историческіе изъ жизни Запорожья и Украинскаго казачества. Съ такими сюжетами бывало и не суйся, ихъ по всей вѣроятности и не читали, а прямо возвращали съ роковой надписью: «признано неудобнымъ».

Грѣшнымъ дѣломъ и я въ то время, соблазненный успѣхами нашихъ драматурговъ-перекраивателей, началъ пробовать свои силы на этомъ поприщѣ, желая въ то же время хоть чѣмъ-нибудь пополнить нашъ скудный репертуаръ. Я и до того изрѣдка пописывалъ, но лишь рассказы на русскомъ и украинскомъ языкахъ, помѣщая ихъ въ періодическихъ изданіяхъ («Кіевская Старина», въ Галицкой «Зорѣ», «Историч. Вѣстникъ» и др.). Передѣлалъ и я тогда для украинской сцены: «Вечиръ на хутори» (Ночное), и «Тарась Бульба» по повѣсти Н. В. Гоголя. Съ «Тарасомъ Бульбой» пришлось мнѣ много промаяться, пока разрѣшили. Посылалъ въ драматическую цензуру много разъ и все получалъ

съ лаконической надписью: «Къ представленію признана неудобной»... Я никакъ не могъ сообразить, что собственно въ этой драмѣ, передѣланной изъ такой популярной повѣсти извѣстнаго писателя, какую читають даже дѣти съ 8-ми лѣтъ и заучивають чуть ли не наизусть, цензура находила неудобнымъ. Я вымарывалъ и передѣлывалъ все, что по моему мнѣнію могло смущать цензора, такъ что въ концѣ-концовъ остался одинъ остовъ пьесы, посылалъ вновь и опять получалъ недозволенной.

И вотъ, ѣдучи изъ Москвы въ Петербургъ, я заручился рекомендаціей нашего театральнаго врача Миролубова, который, какъ я случайно узналъ, былъ до того докторомъ при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати и съ этой рекомендаціей рѣшилъ лично побывать въ Главномъ Управленіи и вывѣдать у цензора тайну запрещенія. Цензоромъ украинскихъ драматическихъ произведеній былъ тогда нѣмецъ Фрейманъ. Насъ познакомили... Принялъ онъ меня довольно любезно и, когда я объяснилъ цѣль посѣщенія, онъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ сказалъ, замѣчу, съ большимъ нѣмецкимъ акцентомъ:

— Ви ужъ мнэ съ эта пьесъ надоѣль, присылалъ нѣсколько разъ... Не могу, не могу... тамъ бей жидъ, бей ляховъ, это не хороша... Теперь на югѣ, погромъ, погромъ, не могу...

— Вымарывайте все, что вамъ не нравится, г. цензоръ, только разрѣшите, вѣдь это въ сущности дѣтская пьеса, фантазія, въ рассказѣ читають маленькія дѣти, я для дѣтей собственно и написалъ, нѣчто въ родѣ картинъ-иллюстрацій къ повѣсти Гоголя,— уговаривалъ я его.

— Сейчасъ она въ докладѣ, я ее опять призналъ неудобной. Впрочемъ вы присылайть еще разъ, я просмотрю и сдѣлаю все, что возможно.

Онъ, повидимому, смягчился, благодаря рекомендаціи доктора, такъ какъ сейчасъ же началъ спрашивать о немъ.

Такимъ путемъ я, наконецъ, добился разрѣшенія. Но, Боже, въ какомъ видѣ я получилъ ее! Мѣста живого не было, вся испещрена красными чернилами и всѣ лучшія мѣста и цѣлыя сцены вымараны. Въ такомъ же видѣ она была и напечатана (изд. Разсохина). А потомъ и слышишь укору: «безобразная передѣлка» и пр. Неудивительно, что получилась не пьеса, а нѣчто невозможное: самъ сокращалъ до бессмыслицы, а цензура и въ конецъ доконала!

Несмотря на это, пьеса быстро разошлась въ рукописныхъ экземплярахъ по всѣмъ существовавшимъ тогда труппамъ, имѣла успѣхъ уже потому, что служила какъ бы иллюстраціей къ великому творенію Гоголя, а мнѣ принесла порядочный гонораръ.

Это меня поощрило и я продолжалъ строить, т.-е. передѣлывать, а то и свое сочинять, съ покорностью перенося всѣ строгости цензуры, а строгости эти порой доходили до смѣшного и до курьезнаго. Что можно было писать при такихъ условіяхъ: воспрещались безусловно всѣ переводы, воспрещались сюжеты историческіе, а въ пьесахъ изъ народной жизни не смѣй писать ничего, что задѣвало господъ (пановъ), какъ привилегированнаго сословія, не задѣвай: сельскія власти, церковныя причты до звонарей включительно, не трогай семейныя начала въ отношеніи непочтенія дѣтей къ родителямъ и даже не дозволялось выводить продѣлки сельскихъ міроѣдовъ и кабатчиковъ. Словомъ, не могли задѣвать никого, кто по положенію выше простого мужика. Чести, значить, только его, несчастненькаго, сколько твоей душенькѣ угодно. Да и то о бѣдахъ его не больно распространяйся, ибо и ему, по мнѣнію цензора, живется вольготно на Руси-Украинѣ.

Приведу примѣры:

Въ пьесѣ «Цыганы» (Аза), передѣланной мною изъ повѣсти І. Крашевскаго «Хата за околицей», въ одномъ мѣстѣ жена спрашиваетъ мужа:

— Розскажи, якъ тебе прійнявъ добрый панъ?

Мужъ отвѣчаетъ:

— Звычайно, якъ багатый пріймае бидного... Давъ мени цихъ килька злотыхъ за такою пыхою, що кровь ударила мени у голову, але я здержавъ себе и уклонився ёму до нигъ...

Все это было вымарано.

Вымарывались народныя поговорки: «панська ласка до порога», «панська губа, та зубивъ нема», «зъ паномъ балакай, а каминь за пазухой держы» и пр. Слово «панъ» было священно, которое мужику безъ должнаго уваженія произносить воспрещалось. Вымарывались фразы: «чинодраль несчастный», «а ты что за чиновная персона?», «его болдородіе», «монахи—продувной народъ», въ этомъ видѣли непочтеніе къ чиновникамъ и духовнымъ особамъ.

Мужикъ обращается къ міроѣду и говоритъ:

— «Ты, Ироде, зъ старшыною зъ мене живцемъ шкуру здерлы!»

Зачеркнуто: «Ироде» и «зъ мене живцемъ шкуру здерлы», а написано сверху по-русски: «обидѣли меня».

И много, много въ этомъ родѣ, теперъ и не вспомнишь.

Много курьезовъ получалось и отъ незнанія цензоромъ украинскаго языка, такъ на примѣръ:

— «Хочешъ двоухъ кохаты разомъ? Ахъ ты, зводныку поганый!» «Зводныку» зачеркнуто. Вѣроятно, цензоръ нашелъ это слово

неприличнымъ, а между тѣмъ его значеніе отъ «сводитъ дѣвушекъ съ ума».

Строго воспрещалось придерживаться украинскаго правописанія: «и» вмѣсто «ы», а «і» вмѣсто «и». Такія рукописи возвращались нечитанными съ внушеніемъ: «придерживаться русскаго правописанія, ибо малорусскаго языка не существуетъ, а существуетъ «нарѣчіе».

Въ 1893 году я за пьесу «Мужычка» на конкурсѣ въ Галиціи получилъ премію изъ Галицкаго Краеваго фонда въ 250 гульденовъ. Однако пьесу эту я не могъ представить въ оригиналѣ въ нашу цензуру, такъ какъ тамъ простая мужычка убиваетъ барыню (пани) и ее никогда бы не дозволили. Я долженъ былъ перемѣнить названіе въ «Катерину», а барыню замѣнить «мѣщанкой», церковную же просфирню во «вдову фельдшера», выбросилъ нѣкоторыя сцены и тогда только получилъ дозволеніе.

Кстати расскажу и объ этомъ конкурсѣ, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ удовольствіемъ сознавать себя премированнымъ драматургомъ причинилъ огорченіе и непріятность.

Былъ у меня нигдѣ ненапечатанный рассказъ объ истинномъ происшествіи, случившемся въ одномъ селѣ Дубенскаго уѣзда на Волыни, сосѣднемъ по имѣнію моего дяди. О случаѣ этомъ я узналъ по рассказамъ дяди, а дядя былъ лично знакомъ съ жертвой преступленія.

Въ свое имѣніе изъ Варшавы пріѣхала помѣщица, молодая легкомысленная вдовушка, полька, и увлекла простаго крестьянскаго парня, невѣста котораго изъ ревности убила эту барыню. Рассказъ этотъ я передѣлалъ въ драму и прочиталъ служившему тогда у насъ въ труппѣ актеру, галичанину Костѣ Подвысоцкому. Онъ и посовѣтовалъ мнѣ послать ее на конкурсъ въ Галицію. Конкурсъ на украинскія драматическія произведенія тамъ бываетъ каждые два года, и преміи выдаетъ изъ особо ассигнованныхъ суммъ «Выдѣлъ краевый». Я послалъ и мнѣ присудили 2-ю премію. Это не понравилось «корифеямъ» нашей украинской драматической литературы и кто-то изъ нихъ послалъ на меня форменный доносъ съ обвиненіемъ, будто я получилъ премію незаконно, такъ какъ пьеса «Мужычка» есть дословный переводъ русской драмы Островскаго и Соловьева «Свѣтитъ, да не грѣеть». У меня, дѣйствительно, есть одна сцена, схожая съ такой же сценой въ пьесѣ «Свѣтитъ да не грѣеть», все же остальное ничего общаго не имѣетъ ни по ходу дѣйствія, ни по сюжету. Получаю вдругъ отъ предсѣдателя конкурснаго комитета г. Паньківскаго запросъ, — требуетъ объясненія и оправданія. Я въ оправданіе послалъ пьесу Островскаго для сравненія и потребовалъ въ свою

очередь новаго пересмотра пьесы Комитетомъ. Пересмотрѣли вновь и меня безусловно оправдали.

Пьеса «Мужычка» (у насъ «Катерина») пользуется и въ Галиціи, и у насъ большимъ успѣхомъ и по настоящее время не сходитъ съ репертуара.

Но... возвращаюсь къ прерванному.

Наступилъ постъ... Мы перекочевывали изъ Петербурга въ столицу Польши—Варшаву, такъ какъ тогда въ Царствѣ Польскомъ играть постомъ дозволялось.

Пріѣздъ нашъ въ Варшаву очень радушно привѣтствовала польская пресса. Насъ называли «братьями-славянами», а украинскую народность родственною польской въ историческомъ прошломъ и пр.

Но вышло такое обстоятельство, которое сразу охладило къ намъ прессу, а съ ней конечно и польское общество.

Тогдашній генераль-губернаторъ Гурко вызвалъ Старицкаго и, между прочимъ, высказался такъ:

— Это ваше братанье съ поляками мнѣ не нравится... Предупреждаю, если васъ поляки примутъ и будутъ проявлять какой-либо излишній «родственный» энтузіазмъ, я васъ удалю изъ края въ 24 часа!

Послѣ такого предупрежденія грознаго начальника края, что оставалось дѣлать? Или покинуть Варшаву, или заручиться русскими симпатіями.

И вотъ, по совѣту генерала Палицына, первые три спектакля мы сыграли въ «Русскомъ Собраніи».

Конечно, всѣ симпатіи поляковъ къ намъ сразу отхлынули, пресса замолчала, и къ намъ начали относиться даже враждебно.

Перешли затѣмъ въ театръ «Королевскій», поляки совсѣмъ не посѣщали нашихъ спектаклей, и успѣхъ въ Варшавѣ былъ сомнительный. Также безуспѣшно прошли праздники Пасхи въ Лодзи. Словомъ въ Царствѣ Польскомъ намъ не повезло, благодаря, конечно, извѣстному положенію, въ которое труппа была поставлена.

Это—первая неудача труппы за трехлѣтіе ея существованія.

Выбравшись изъ Царства Польскаго, мы гастролировали въ Вильнѣ, Минскѣ, Смоленскѣ, опять въ Москвѣ, а тамъ по разнымъ другимъ городамъ Россіи и Украины.

Два-три года труппу еще сопровождалъ матеріальный успѣхъ въ смыслѣ сборовъ, а затѣмъ съ каждымъ годомъ становилось все хуже и хуже. Приходилось уже испытывать нужду и мыкать горе. Жалованье задерживали или выплачивали грошовыми подачками, а то «обѣденными порціями», доходившими до рубля

и полтинника. Все больше у публики ослабѣвалъ интересъ къ малорусскимъ спектаклямъ, и сборы падали. Къ тому же наши заправилы, въ надеждѣ на всегдашній матеріальный успѣхъ, зарывались и вели дѣло неумѣло. При частыхъ переѣздахъ изъ города въ городъ особенно чувствовалась эта нужда. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно прибѣгали къ займамъ подъ залогъ театральнаго имущества и актерскихъ пожитковъ. Дошло до того, что какъ выѣздъ, такъ и неизбежное исканіе денегъ на дорогу и плата бѣшенныхъ процентовъ да разныхъ комиссіонныхъ окончательно разоряли дѣло.

Отъ этихъ постоянныхъ залоговъ, конечно, больше всего приходилось страдать служащимъ. Перезаложать все наше, приѣзжаемъ, а сборовъ нѣтъ и выкупить нечѣмъ, по мѣсяцу и по два приходилось ходить, въ чемъ собрался въ дорогу, бѣлья перемѣнить не было.

Словомъ, такія комбинаціи при переѣздѣ и вѣчное исканіе денегъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ нашемъ съ виду кажущемся солидномъ дѣлѣ. Я не помню переѣзда, развѣ самаго незначительнаго, когда бы не прибѣгали къ займамъ. Обыкновенно дѣлалось такъ: находили ростовщика, который, понятно, за громадныя проценты давалъ необходимую сумму. Все имущество труппы отправляли черезъ посредство транспортной конторы «Надежда», а на сумму займа накладывали платежъ въ другомъ городѣ, куда переѣзжали. Хорошо, если въ томъ городѣ дѣла пойдутъ,—выкупали съ первыхъ сборовъ, а нѣтъ,—приходилось выплачивать частями, а то перезакладывать вновь на слѣдующій городъ и т. д.

Помню изъ какого-то города собрались уѣзжать, все уложено, упаковано, чтобы отправляться на вокзалъ, ждемъ пока произведутъ извѣстную комбинацію съ залогомъ багажа и выдадутъ деньги для расплаты съ гостиницей.

Мои дѣтишки играютъ съ дѣтишками актера Касиненко... мы жили въ одной гостиницѣ... Прислушиваюсь, что за странная у нихъ игра?

— Ты будешь контора «Надежда»,—говоритъ пятилѣтній черномазый бутузъ Тарасъ Касиненко моему бѣлобрысому Сергѣю,— а я буду Портуска. (Португаловъ—управляющій труппы, его прозывали «Портушкой»). Я буду привозить тебѣ закладывать багажъ, а ты мнѣ будешь давать деньги.

До чего, значить, это было обыденное явленіе, когда и дѣтишки знали и обратили въ игру.

Да, такое веденіе дѣла губило самое дѣло... Я помню случаи, что за заемъ въ 500 руб. приходилось платить другихъ 500 въ видѣ

процентовъ. Случалось еще и такъ, что въ одномъ городѣ кончаемъ спектакли, а другой еще не снятъ и вынуждены были принимать самыя невыгодныя условія по арендѣ театровъ, иначе труппѣ, мало не въ 100 человѣкъ, приходилось сидѣть безъ дѣла.

Прослужилъ я въ труппѣ подъ управленіемъ Старицкаго ровно десять лѣтъ, т.-е. до конца существованія ея подъ его управленіемъ, а затѣмъ начались мои скитанія по другимъ антрепризамъ и товариществамъ, успѣвшимъ за это время возродиться въ десяткахъ.

К. И. Ванченко.
